

Холодное сердце

Автор:

Вильгельм Гауф

Холодное сердце

Вильгельм Гауф

Харчевня в Шпессарте #3

«Кто путешествует по Швабии, тот никогда не должен забывать хоть ненадолго заглянуть в Шварцвальд. Не из-за деревьев, хотя не всюду найдешь столь неисчислимое количество великолепных огромных елей, но из-за людей, которые поразительно отличаются от остального окружного населения. Они выше обыкновенного роста, широкоплечие, с крепкими мускулами. И причиной этому является не что иное, как укрепляющий аромат, струящийся от елей по утрам, который наградил их в юности более здоровыми легкими, ясными глазами и характером, твердым и мужественным, хотя, быть может, и более грубым, чем у жителей речных долин и равнин. Они резко отличаются от живущих не в лесу не только осанкой и ростом, но также обычаями и одеждой...»

Вильгельм Гауф

Холодное сердце

* * *

Часть первая

Кто путешествует по Швабии, тот никогда не должен забывать хоть ненадолго заглянуть в Шварцвальд. Не из-за деревьев, хотя не всюду найдешь столь неисчислимо количество великолепных огромных елей, но из-за людей, которые поразительно отличаются от остального окружного населения. Они выше обыкновенного роста, широкоплечие, с крепкими мускулами. И причиной этому является не что иное, как укрепляющий аромат, струящийся от елей по утрам, который награждает их в юности более здоровыми легкими, ясными глазами и характером, твердым и мужественным, хотя, быть может, и более грубым, чем у жителей речных долин и равнин. Они резко отличаются от живущих не в лесу не только осанкой и ростом, но также обычаями и одеждой. Лучше всех одеваются обитатели баденского Шварцвальда. Мужчины отпускают бороды, как они растут от природы. Черные кафтаны, широчайшие, необъятные шаровары и остроконечные шляпы с широкими полями придают им некоторую своеобразность, но вместе с тем серьезность и почтенность. Там люди обыкновенно занимаются выделкой стекла, а также изготавливают часы и снабжают ими полмира.

По другую сторону леса живет часть того же племени, но их занятия сообщили им иные обычаи и привычки, чем у стекольщиков. Они торгуют лесом, валят и обтесывают свои ели и сплавляют их по Нагольде в Неккар, а из Верхнего Неккара – вниз по Рейну, и даже вплоть до Голландии, так что и у моря знают шварцвальдцев и их длинные плоты.

В каждом городе, лежащем при реке, они останавливаются и гордо ждут, не будут ли покупать у них бревна и доски. Что же касается самих крепких и длинных бревен, то их за большие деньги продают мингерам, которые строят из них корабли. Эти люди привыкли к суровой, бродячей жизни. Их радости заключаются в том, чтобы спускаться по реке на своих деревьях, их горе – берегом плестись назад.

Поэтому-то их великолепная одежда так отлична от костюма стекольщиков в другой части Шварцвальда. Они носят кафтаны из темной холстины, шириною в ладонь, на мощной груди зеленые подтяжки, штаны из черной кожи, из кармана которых выглядывает медный фут в виде знака отличия. Но особенную их гордость составляют сапоги, по всей вероятности самые большие, на какие есть мода где-либо на свете. В самом деле, они могут быть натянуты на две пяди

выше колен, и сплавщики могут бродить в них по воде в три фута глубиной не промачивая ног.

Еще недавно жители этого леса верили в лесных духов и только в новейшее время освободились от этого неразумного суеверия. Однако чрезвычайно странно, что даже эти лесные духи, которые по преданию обитают в Шварцвальде, различались по костюму. Так, уверяли, что Стекланный Человечек, добрый дух, ростом в 3 фута, никогда не показывается иначе, как в остроконечной шляпочке с большими полями, в кафтане, шароварах и красных чулочках. А Голландец Михель, который хозяйничает на другой стороне леса, – исполинского роста, широкоплечий, в костюме сплавщика. Многие, видевшие его, готовы были утверждать, что не могли бы заплатить из своего кармана за то количество телят, кожи которых потребовались на его сапоги. «Они так велики, что обыкновенный человек может стоять в них по шею», – говорили эти люди и уверяли, что не преувеличивают.

С этими лесными духами одному молодому шварцвальдцу однажды пришлось иметь престранную историю, о которой я и хочу рассказать.

В Шварцвальде жила одна вдова, Барбара Мунк. Муж ее был угольщиком. После его смерти она мало-помалу приучила к тому же занятию своего шестнадцатилетнего сына. Молодому, статному парню, Петеру Мунку, это было по душе, потому что еще при отце он не знал ничего другого, как по целым неделям сидеть у дымящегося костра или черным и покрытым сажей ехать в город продавать свой уголь. Но у угольщика много времени для размышлений о себе и обо всем другом, и когда Петер Мунк сидел перед костром, окружавшие его темные деревья и глубокая лесная тишина навевали на него слезы и какую-то бессознательную тоску. Что-то огорчало его и досаждало ему, но что именно – он хорошенько не знал. Наконец он подметил за собой что-то такое, и это было его положение. «Черный, одинокий угольщик! – говорил он про себя. – Что за жалкая жизнь! В каком почете стекольщики, часовщики и даже музыканты, особенно в воскресный вечер! А покажется Петер Мунк, чисто вымытый и разряженный, в отцовском праздничном кафтане с серебряными пуговицами, в новых красных чулках, и если тогда кто-нибудь подойдет сзади, подумает: «Кто этот стройный молодец?» и с завистью посмотрит на мои чулки и на мою статную походку, – стоит только ему оглянуться, и тогда он, конечно, скажет: «Ах, это просто угольщик Петер Мунк!»»

Сплавщики с той стороны леса тоже были предметом его зависти. Когда эти лесные великаны в великолепных одеждах проезжали мимо, имея на себе пуговиц, пряжек и цепей на полцентнера серебра, когда они расставив ноги с важными лицами смотрели на танцы, ругались по-голландски и, как знатные мингеры, дымили из кельнских трубок длиною в локоть, тогда он представлял себе сплавщика самым совершенным изображением счастливого человека. Когда же эти счастливицы лезли в карманы, вытаскивали руки, полные больших талеров, и играли в кости по большой, по 5—10 гульденов ставка, голова его начинала идти кругом и он уныло плелся к своей хижине. Ведь он собственными глазами видел, как в некоторые из праздничных вечеров тот или другой из этих «лесных господ» проигрывал больше, чем его бедный отец Мунк зарабатывал за год.

Особенно выдавались трое из этих мужчин, относительно которых он положительно не знал, кому больше он должен удивляться.

Один был толстый, огромный мужчина с красным лицом. Он слыл за самого богатого человека в округе. Его звали Толстым Эзехиелем. Каждый год он по два раза ездил в Амстердам со строевым лесом и имел такую удачу, что всегда продавал дороже других. В то время как все остальные шли домой пешком, он мог ехать на лошади.

Другой был самым длинным и худым человеком во всем Шварцвальде, его звали Длинным Шморкером. Петер Мунк завидовал и ему за его необыкновенную смелость. Он перечил самым уважаемым людям. Хотя бы в харчевне сидели уже в совершенной тесноте, все-таки ему нужно было места больше, чем для четверых толстых, потому что он или опирался на стол обоими локтями, или втаскивал одну из своих длинных ног к себе на скамейку, и все же никто не смел противоречить ему, потому что у него было нечеловечески много денег.

Третий был красивым молодым человеком, который танцевал лучше всех, за что и получил прозвание Короля Танцев. Он был раньше бедняком и служил в работниках у одного владельца леса. Потом он вдруг сделался богачом. Одни говорили, что он нашел под старой елью горшок, наполненный деньгами; другие ручались головой, что недалеко от Бингена на Рейне он подцепил багром, с которым сплавщики иногда охотятся на рыб, мешок с золотыми монетами, а этот мешок составлял часть огромного клада Нибелунгов, который был скрыт там. Одним словом, однажды он разбогател и стал пользоваться у старого и малого таким уважением, как будто был принцем.

Сидя один в еловом лесу, угольщик Петер часто думал об этих трех людях. Правда, все три имели один существенный недостаток, который делал их ненавистными для людей, – это была их нечеловеческая скупость, их жестокость к должникам и беднякам, а шварцвальдцы ведь народ добродушный. Но известно, что происходит в таких случаях: хотя они и были ненавистны за свою скупость, однако за свои деньги они пользовались уважением. В самом деле, кто же мог, подобно им, бросать талерами так, как будто их кто стряхивал с елей.

«Так дальше не может продолжаться, – сказал себе однажды сильно огорченный Петер, потому что накануне был праздник и весь народ собрался в харчевне. – Если я в скором времени не поправлюсь, то я сделаю с собою что-нибудь скверное. О, если бы я был таким богатым, как Толстый Эзекиель, или смелым и сильным, как Длинный Шморкер, или если бы был таким же известным и мог бы бросать музыкантам по талеру вместо крейцера, подобно Королю Танцев! Где только этот малый добыл денег?»

Он перебрал всевозможные средства, какими можно приобрести деньги, но ни одно ему не улыбалось. Наконец ему пришли в голову предания о людях, которые в незапамятное время сделались богатыми по милости Голландца Михеля и Стеклянного Человечка. Когда его отец был еще жив, к нему часто приходили в гости другие бедняки, и тогда они вели длинные разговоры о богатых людях и о том, как они сделались богачами. Нередко тут играл роль Стеклянный Человечек. Да, если бы хорошенько поразмыслить, то можно было бы припомнить и стишки, которые нужно произнести в середине леса, на холме, покрытом елями, и тогда появится дух. Они начинались так:

Хозяин всех сокровищ
Огромных – старый дед,
Живешь в лесу еловом
Ты много сотен лет!
Рожденный в воскресенье
Здесь должен постоять,
Чтобы тебя под сенью...

Но как он ни напрягал свою память, как ни старался, дальше не мог припомнить ни одного стиха. Часто подумывал он пойти спросить какого-нибудь старика, как читается это заклинание, но его всегда удерживала некоторая боязнь выдать свои мысли. К тому же он предполагал, что это заклинание могут знать лишь немногие, потому что оно обогатило немного народа. Ведь почему бы тогда его отцу и другим беднякам не попытаться своего счастья? Наконец однажды ему удалось разговориться насчет духа со своей матерью, и она рассказала ему то, что он уже знал, и могла сказать тоже только первые строчки заклинания. Впрочем, в конце концов, она сообщила, что дух является лишь тем, кто родился в воскресенье между 12 и 2 часами. Сам он мог бы великолепно воспользоваться этим, если бы только знал заклинание, потому что родился в воскресенье ровно в 12 часов дня.

Узнав об этом, Петер Мунк был почти вне себя от страстного желания воспользоваться этой случайностью. Ему казалось совершенно достаточным знать часть заклинания и родиться в воскресенье, чтобы Стекланный Человечек предстал перед ним. Поэтому, продав однажды уголь, он не стал разводить нового костра, но, надев отцовский сюртук и новые красные чулки и надвинув праздничную шляпу, взял в руку свою пятифуттовую палку из терновника и попрощался с матерью:

– Мне нужно в город, в присутствие. Так как вскоре придется тащить жребий, кому идти в солдаты, то я и хочу только еще раз напомнить, что вы вдова, а я ваш единственный сын.

Мать одобрила его решение, и он отправился в еловую рощу. Эта еловая роща лежала в самой высокой части Шварцвальда, и на расстоянии двух часов в окружности не было ни одной деревни, даже ни одной хижины, так как суеверные люди думали, что там нечисто. В той местности, несмотря на то что там были высокие и превосходные ели, на дрова рубили их неохотно, потому что с работавшими там дровосеками часто случались несчастья: то топор соскакивал с топорница и попадал в ногу, то деревья падали слишком быстро и валили с собой людей, калечили и даже зашибали насмерть. Самые лучшие деревья оттуда шли только на дрова, а сплавщики никогда не брали для плотов ни одного ствола из елового леса, потому что ходила молва, будто и человек, и дерево могут погибнуть, если в воде будет ель из этой рощи. Отсюда-то и происходило, что в еловой роще деревья были так густы и высоки, что даже в ясный день там была почти ночь. Петер Мунк там совершенно потерял мужество. Он не слышал ни одного голоса, никаких шагов, кроме собственных, ни единого

удара топором; даже птицы, казалось, избегали этой густой тьмы елей.

Вот угольщик Петер достиг высшей точки еловой рощи и остановился перед елью с огромным обхватом, за которую голландский корабельщик дал бы на месте много сотен гульденов. «Наверно, – подумал Петер, – здесь живет хозяин сокровищ». Затем он снял свою большую праздничную шляпу, отвесил перед деревом глубокий поклон, откашлялся и дрожащим голосом произнес:

– Желаю благополучного вечера, господин Стекланный Человечек!

На это не последовало никакого ответа, и кругом все было так же тихо, как и раньше.

«Пожалуй, мне нужно сказать стихи», – подумал он тогда и пробормотал:

Хозяин всех сокровищ

Огромных – старый дед,

Живешь в лесу еловом

Ты много сотен лет!

Рожденный в воскресенье

Здесь должен постоять,

Чтобы тебя под сенью...

Произнеся эти слова, он к величайшему своему ужасу увидел, что позади толстой ели выглянула какая-то маленькая, диковинная фигурка. Судя по описаниям, он увидел именно Стекланного Человечка: черный сюртучок, красные чулочки, шляпочка – все было так. Он даже был уверен, что увидал бледное, тонкое и умное лицо, о котором ему говорили. Но увы! Насколько быстро выглянул этот Стекланный Человечек, так же скоро и исчез.

– Господин Стекланный Человечек! – воскликнул Петер после некоторого промежутка. – Будьте так добры, не считайте меня за дурака! Господин Стекланный Человечек, если вы полагаете, что я вас не видал, то вы очень ошибаетесь: я отлично видел, как вы выглянули из-за дерева!

Снова нет ответа, только за деревом ему как будто послышалось тихое, сиплое хихиканье. Наконец его нетерпение превзошло робость, которую он все еще ощущал.

– погоди, малыш! – крикнул он. – Скоро я тебя поймаю!

Одним прыжком он очутился за елью. Но никакого духа там не было, только маленькая нежная белочка мигом взлетела на дерево.

Петер Мунк покачал головой. Он понял, что если бы он привел заклинание до последнего места и не ошибся бы только в рифме, то выманил бы Стеклянного Человечка. Но как Петер ни думал, однако ничего не мог подыскать. На нижних ветвях ели показалась белочка, и ему почудилось, что она не то ободряла его, не то подсмеивалась. Она умывалась, вертела красивым хвостом и смотрела на него своими умными глазами, так что, в конце концов, ему сделалось даже страшно оставаться наедине с этим животным. То ему казалось, что у белки человеческая голова и на ней треугольная шляпа, то снова она была совершенно такой же, как другие белки, и только на задних лапках у нее были красные чулки и черные башмачки. Одним словом, это было занятное животное; однако Петер струхнул, полагая, что тут дело нечисто.

Он вышел из рощи гораздо проворнее, нежели пришел. Тьма еловой рощи становилась еще чернее, деревья стояли словно чаще, и ему стало так страшно, что он пустился оттуда бегом и пришел несколько в себя лишь тогда, когда услышал вдали собачий лай и увидел вслед затем между деревьями дым из хижины.

Когда он подошел ближе и разглядел бывших в хижине людей, то сообразил, что от страха взял прямо противоположное направление и вместо стекольщиков попал к сплавщикам. Жившие в хижине люди оказались дровосеками: старик, его сын – хозяин дома и взрослые внуки. Петера, который попросил ночлег, они приняли радушно, не спрашивая ни имени, ни местожительства, и предложили ему яблочного вина, а вечером был подан большой тетерев, любимое кушанье шварцвальдцев.

После ужина хозяйка и ее дочери уселись с прялками около большой лучины, которую молодые люди натерли лучшей еловой смолой. Дед и хозяин закурили и смотрели на женщин, а молодые люди занялись строганьем из дерева ложек и

вилок. В лесу завывала буря и бушевала по елям; то и дело слышались резкие удары, и нередко приходило в голову – не все ли деревья разом свалились и загрохотали. Бесстрашные юноши хотели побежать в лес и взглянуть на это ужасное и прекрасное зрелище, но строгий вид деда удержал их.

– Я бы никому не советовал выходить сегодня за дверь! – крикнул он им. – Как Бог свят, тот не вернется назад. Ведь сегодня ночью Голландец Михель рубит в лесу новый сруб на плот.

Молодежь удивилась. Правда, они уже слышали о Голландце Михеле, но теперь начали просить деда рассказать о нем еще разок. Петер Мунк, который только смутно слышал рассказы о Голландце Михеле, живущем по ту сторону леса, присоединился к ним и спросил старика, кто этот Михель и откуда он.

– Он хозяин этого леса. Так как вы еще не знаете этого в вашем возрасте, то я могу вывести заключение, что вы, должно быть, родом с той стороны еловой рощи или даже еще дальше. Так я расскажу вам о Голландце Михеле что знаю и как о нем говорит предание.

Лет сто тому назад, так по крайней мере рассказывал мне мой дедушка, на всей земле не было народа честнее шварцвальдцев. Теперь, когда в стране так много денег, люди стали недобросовестны и дурны. Молодые по воскресеньям пляшут, буйствуют и бранятся так, что ужас. Тогда было по-другому, и если бы даже сейчас Голландец Михель заглянул сюда в окошко, все-таки я скажу и буду говорить постоянно, что это он повинен во всей этой порче. Так вот, лет за сто или больше жил богатый сплавщик, у которого было много рабочих. Он вел обширную торговлю вниз по Рейну и имел в своих делах удачу, потому что был человек благочестивый.

Однажды вечером к его дому подошел какой-то мужчина, подобного которому он еще никогда не видал. Одежда у него была, как и у прочих шварцвальдских парней, но он был на целую голову выше всех. Еще никто никогда и не подозревал, что могут быть такие великаны. Он попросил у сплавщика работы, и сплавщик, видя, что он крепок и может носить большие тяжести, сговорился с ним насчет платы. Они ударили по рукам. Михель оказался таким работником, какого у сплавщика еще не было. В рубке деревьев он был за троих, и когда за один конец дерева тащили шестеро, он один нес другой конец.

Порубив с полгода, он раз явился к хозяину и обратился к нему с просьбой. «Уж я нарубил здесь достаточно деревьев. Мне бы хотелось теперь увидеть, куда идут мои стволы. Поэтому нельзя ли, если вы позволите, отправиться мне хоть раз на плотях?» Сплавщик отвечал: «Мне бы, Михель, не хотелось идти против твоего желания посмотреть немного свет; хотя для рубки мне нужны сильные люди, как, например, ты, а на плоту нужна ловкость, но пусть будет по-твоему».

Так и было. Плот, на котором он должен был уехать, был в восемь звеньев, и в последнем звене были огромные стропила. Что же случилось? Накануне вечером Михель спустил на воду еще восемь бревен, таких толстых и длинных, каких еще никто не видывал. Он тащил их на плече так легко, как будто это был шест от плота, так что все поразились. Где он их вырубил – до сих пор никто не знает. У сплавщика сердце радовалось при виде такого зрелища, так как он высчитал, сколько могут стоять такие балки. Михель же сказал: «Вот эти годятся мне на плаванье, а на тех щепках я не далеко уехал бы».

В благодарность за это хозяин хотел подарить ему пару речных сапог, но он швырнул их в сторону и принес пару таких, каких нигде нельзя достать. Мой дедушка уверял, что они весили сто фунтов и были в пять футов длиной.

Плот отплыл, и если раньше Михель приводил в изумление дровосеков, то теперь поразились и сплавщики. Действительно, плот, состоявший из огромных балок, казалось бы, должен был идти по реке тише. На самом деле он полетел как стрела, лишь только вступили в Неккар. На поворотах по Неккару сплавщики прежде прилагали много усилий, чтобы удержать плот посередине и не наткнуться на камни или мель. Теперь же Михель всякий раз соскакивал в воду, одним духом сдвигал плот налево или направо, и плот безопасно скользил дальше. Если же место было ровное, то он бежал на первый плот, заставлял всех брать шесты, упирался своим огромным шестом в камень, и от одного его толчка плот летел так, что земля, деревья и деревни так и мелькали. Таким образом они прибыли в Кельн, где продавали раньше свой груз, за половину того времени, которое обыкновенно употребляли на это расстояние. Но здесь Михель сказал: «Купцы вы, по-моему, хорошие, а свою выгоду упускаете. Неужели вы думаете, что кельнцы сами потребляют весь лес, который идет из Шварцвальда? Нет! У вас они покупают его за полцены, а сами продают его в Голландию гораздо дороже. Давайте продадим здесь небольшие бревна, а с большими поедem в Голландию. Что мы выручим сверх обыкновенной цены, то будет в нашу собственную пользу».

Так говорил лукавый Михель, и остальные ничего не имели против: одни охотно посетили бы Голландию, чтобы посмотреть ее, другие же из-за денег.

Только один-единственный человек оказался честным и советовал им не подвергать опасности хозяйское добро и не вводить хозяина в обман более высокими ценами. Но его не послушались и его слова забыли. Не забыл их только Голландец Михель. Поехали с лесом вниз по Рейну. Михель вел плоты и быстро доставил их в Роттердам. Там им предложили вчетверо против прежней цены; особенно большие деньги были заплачены за громадные балки Михеля. При виде таких денег шварцвальдцы едва могли опомниться от радости.

Михель отделил одну часть хозяину, а три остальных поделил между работниками. Тут они засели вместе с матросами и разным сбродом в трактирах и промотали все свои деньги. А честного работника, отговаривавшего их, Голландец Михель продал торговцу невольниками и о нем больше ничего не слышали. С тех пор для шварцвальдских парней Голландия стала раем, а Голландец Михель – королем. Сплавщики долго ничего не знали об их похождениях, а тем временем из Голландии незаметно приходили деньги, брань, дурные обычаи, пьянство и игра. Когда эта история обнаружилась, Голландец Михель куда-то пропал, но однако не умер. Около ста лет он изощряется в своих штуках живя в лесу, и говорят, что он уже многим помог сделаться богатыми, но только ценою их несчастных душ. Больше я ничего не могу сказать. Только известно, что и по сие время в такие бурные ночи он выбирает себе в еловом лесу, где никто не рубит, самые лучшие ели. Мой отец видел, как он сломал одну такую, в четыре фута толщины, как тростинку. Ими он наделяет тех, кто, отвратившись от честного пути, идет к нему. В полночь они сносят срубы в воду, и он плывет с ними в Голландию. Но если бы я был повелителем и королем Голландии, я приказал бы разбить его картечью, потому что все корабли, в которых находится хоть одна балка от Голландца Михеля, должны погибнуть. Отсюда и происходит, что так часто слышно о кораблекрушениях. Как может, в самом деле, прекрасное, крепкое судно величиной с церковь пойти ко дну? Но всякий раз как в бурную ночь Голландец Михель срубает в Шварцвальде ель, одно из срубленных им бревен выскакивает из корпуса корабля, вода тотчас же проникает туда, и корабль с людьми и со всем грузом погибает. Таково предание о Голландце Михеле, и это истинная правда, что все зло идет от него. О, он может обогатить! – прибавил старик с таинственным видом. – Но я ничего не желал бы иметь от него. Ни за какие деньги я не согласился бы торчать в шкуре Толстого Эзехиеля или Длинного Шморкера! Да и Король Танцев, должно быть, продался ему!

Во время рассказа старика буря утихла. Девушки боязливо зажгли лампы и ушли. Мужчины положили Петеру Мунку на лежанку мешок с листьями вместо подушки и пожелали спокойной ночи.

Никогда еще угольщику не снились такие тяжелые сны, как в эту ночь. То он видел, будто угрюмый великан Михель с шумом распахивает окно и своей огромной рукой протягивает кошелек, полный золотых монет, встряхивает их, и они звучат звонко и заманчиво. То он видел, будто маленький приветливый Стекланный Человечек въезжает в комнату на длинной зеленой бутылке, и ему казалось, что он снова слышит сиплый смех, как в еловом лесу. То в его левом ухе раздавалось:

В Голландии есть золото,

Бери, кто не дурак!

Золото, золото,

И стоит пустяк!

То снова в правом ухе ему слышалась песенка о хозяине сокровищ в зеленом лесу и нежный голос нашептывал ему:

«Глупый угольщик Петер, глупый Петер Мунк, ты не можешь подобрать ни одной рифмы к слову «стоять», а еще родился в воскресенье в двенадцать часов. Подбери же, глупый Петер, подбери!..»

Он во сне вздыхал и стонал и весь измучился, подыскивая рифму, но так как в своей жизни он не сочинил ни одного стиха, то труд его во сне был напрасен. Когда он на заре проснулся, сон показался ему очень странным. Стиснув руки, он сел за стол и стал думать о нашептываньях, которые засели у него в ушах. «Подбери, глупый Петер, подбери!» – говорил он про себя, стуча пальцем по лбу, но все же ни одна рифма не приходила ему в голову.

В то время как он сидел, мрачно глядя перед собой и придумывая рифму на «стоять», мимо дома в лес проходили три парня. Один из них на ходу пел:

Над горною долиной случилось мне стоять, —

Ее в последний раз там пришлось мне увидеть!..

Словно яркая молния пронизала эта песенка слух Петера, и он, вскочив с места, бросился из дома, полагая, что не особенно хорошо расслышал ее. Догнав трех парней, он быстро схватил певца за рукав.

– Стой, друг! – воскликнул он. – Какая рифма на «стоять»? Сделайте мне одолжение, скажите как вы пропели.

– Чего ты привязался, малый? – возразил шварцвальдец. – Я могу петь что хочу. А ты пусти сейчас же мою руку, или...

– Нет, ты мне скажешь, что ты пел! – почти вне себя закричал Петер, еще крепче схватывая его.

При виде этого двое других недолго думая напали на бедного Петера со своими крепкими кулаками и так здорово помяли его, что он от боли выпустил одежду третьего и, выбившись из сил, упал на колени.

– Получил теперь свое! – сказали они со смехом. – И заметь себе, сумасшедший, никогда не нападай на открытой дороге на таких людей, как мы.

– Ах, конечно, я это запомню! – отвечал Петер вздыхая. – Но после того как я претерпел побои, будьте добры, скажите мне точно, что он пропел.

Они снова начали смеяться и подтрунивать над ним. Однако певший песню сказал ее Петеру, и они со смехом и пением пошли дальше.

– Значит, «увидать», – говорил несчастный побитый, с трудом поднимаясь. – «Увидать» на «стоять». Теперь, Стекланный Человечек, мы снова поговорим.

Он отправился в хижину, взял свою шляпу и длинную палку и, попрощавшись с обитателями дома, двинулся в обратный путь, к еловой роще. Тихо и задумчиво шел он по дороге, так как должен был придумать еще один стишок. Наконец, войдя уже в самый лес, где ели стали выше и гуще, он придумал этот стишок и от радости даже подпрыгнул вверх.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/vilgelm-gauf/holodnoe-serdce-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)